

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

БИБЛИОТЕКА ЧЕРНОВА

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА,

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ III.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:
съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ
Марта 25 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

Эней сподарь посумовавши,
Насылу тѣхы вгамовавсь;
Поплакавши и порыдавши,
Сывушкою почаговавсь;
Но все такы його мутыло
И коло серденька крутыло,
Небижчыкъ часто щось вздыхавъ;
Винъ моря такъ уже боявсь,
Що на богинь не полагавсь
И батьковн не довиравъ.

А витры съ заду все трубылы
Въ потыльцю його човнамъ,
Що мчалыся зо всеи сымы
По чорнымъ пинявымъ водамъ.
Гребци и весла положылы,
Та сыдя люмечкы курымы
И кургыкалы писеньокъ:
Козацькихъ, гарныхъ Запорожськихъ,
А яки зналы, то Московськихъ
Выгадовалы бриденьокъ.

Про *Сагайдачного* спивалы,
Лыбонь спивалы и про *Сичь*,
Якъ въ шкинеры набиралы,
Якъ мандровавъ козакъ всю ничь;
Полтавську славылы Шведчыну,
И неня якъ свою дытыну
Зъ двора провадыда въ походъ;
Якъ шидъ Бендерю воювалы,
Безъ галушокъ якъ помералы,
Колысь якъ бувъ голодный годъ.

Не такъ то діється все хутко,
Якъ швидко кажуть намъ казокъ,
Эней нашъ плывъ хотъ дуже прудко,
Та вжежъ винъ плававъ не деньокъ;
Довгенько по морю щось шляльсь,
И самы о свити не знальсь;
Не знавъ Троянець ни одынь:
Куды, про що и якъ швендіують,
Куды се такъ вони мандрують,
Куды ихъ мчыть Анхызивъ сынъ.

Отъ-такъ поплававши не мало
И поблудывши по морямъ,
Якъ-ось и землю видно стало,
Побачылы кинєць бедамъ!
До берега якъ разъ пристамы,
На землю съ човнивъ повставалы,
И стали тутъ отдыхать.
Ся Кумською земелька звалась,
Вона Троянцямъ сподобалась,
Далось и їй Троянцивъ знать.

Розгардіяшъ наставъ Троянцямъ,
Опять забулы горювать;
Буае щастья скризь поганцямъ,
А добрый мусить пропадать.
И тутъ воны не шанувались,
А заразь вси и потаскались,
Чого хотилося шукать:
Якому меду та горилкы,
Якому молодьци, — дивкы,
Оскому щобъ зъ зубивъ зигнать.

Булы бурлакы си моторни,
Тутъ познакомылись той часъ,
Съ діавола швыдкы, проворни,
Пидпустять Москаля якъ разъ.
Зо всимы мытью побратались,
Посватались и покумались,
Мовъ зъ роду тутечка жылы;
Хто мавъ къ чому яку кибету,
Такого той шукавъ бенькету,
Вси веремію пидняли.

Де досвѣтки, де вечерьшици,
Або веселля де було,
Дивчата де и молодьши,
Кому родыны падало,
То тутъ Трояшцы и вродымысь;
И лышъ гляды, то й заходьмысь
Коло жинокъ тамъ врожыть,
И чоловѣки въ пидпонышы,
Жинокъ куды хто знавъ понышы,
Давай по чарѣи зъ нѣмы пыть.

Якижъ булы до картъ охочи,
То не сидѣлы дурно тутъ;
Гулялы часто до пивночи
Въ ниска, въ пары, у лавы, въ жгутъ,
У памфыля, въ визка и въ кепя,
Комужъ изъ ныхъ була дотепя,
То въ гроши гралы въ симъ мыстивъ.
Тутъ вси по волѣ забавлямысь,
Пылы, игралы, женихалысь,
Ни хто безъ дѣла не сидивъ.

Эней одынь не веселывся,
Йому немьло все було;
Йому Плутонъ, та батько снывся
И пекло въ голову ввійшло.
Оставывшы своихъ гуляты,
Пишовъ скризъ по полямъ шукаты,
Щобъ хто дорогу показавъ:
Куды до пекла мандроваты,
Щобъ розизнаты, роспытаты;
Бо въ пекло стежки винъ не знавъ.

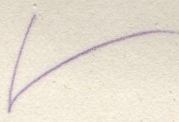
Ишовъ, ишовъ, ажъ зъ русыхъ кудривъ
Въ тры ряды капавъ питъ на нисъ,
Якъ-ось забачывъ щось и уздривъ,
Густый пройшовшы дуже лисъ.
На нижци курячій стояла
То хатка дуже обветшала
И вся вертилася кругомъ;
Винъ до тїи прыйшовшы хаты,
Хазяинна ставъ выкликаты,
Прышцурывшыся нидъ викномъ.

Эней стоявъ и дожыдався,
Щобъ выйшовъ съ хаты хто нибудь,
У двери стукавъ, добувався,
Хотивъ бувъ хатку зъ нижкы спхнутъ.
Якъ вийшла бабыще старая,
Крива, горбатая, сухая,
Записнявила вся въ шрамахъ;
Сидя, ряба, беззуба, коса,
Росхристана, простоволоса
И якъ въ намысти, вся въ жовнахъ.

Эней такъ уздрившы цяцю,
Не знавъ изъ ляку де стоявъ;
И думавъ, що свою всю працю,
На вики тута потерявъ.
Якъ ось до його підступыла
Яга ся и заговорила,
Роззявившы свои уста:
«Гай, гайже слыхомъ послыхаты,
«Анхызенка у вичь выдаты,
«А якъ забривъ ты въ си мѣста?»

«Давно тебе я дождаю,
«И думала, що вже пропавъ;
«Я все дивлюсь та вызираю,
«Ажъ-ось колы ты причвалавъ.
«Мини вже розказали зъ неба,
«Чого тобі пылненько треба, —
«Отець твій бувъ у мене тутъ.
Эней сьому подывовався,
И бабы сучон спытався:
Якъ видьму злую сю зовуть?

«Я Кумская зовусь Сывыла,
«Ясного Феба попадя,
«Пры його храми посидила,
«Давно живу на свити я!
«Пры Шведчыни я дивовала,
«А Татарва якъ набигала,
«То вже я замужемъ була;
«И першу сарану зазнаю;
«Колыжъ бувъ тругъ, якъ изгядно,
«То вся здрыгнуъ, мовъ бы мала.

«На свити всячину я знаю,
«Хоть ни куды и не хожу,
«И людямъ въ нужди помагаю:
«И имъ на звиздахъ ворожу;
«Кому чи трясцю одигнаты,
«Одъ заушныць чи пошептаты,
«Або и волосъ изигнать;
«Щепчу—уроки проганняю,
«Переполохы выльваю,
«Гадюкъ умію замовлять.

«Теперь ходимо лишь въ каплицю,
«Тамъ Фебови ты поклонись,
«И обидай йому тельцю,
«А послѣ гарно помолись.
«Не пожалій лишь золотого,
«Для Феба свѣтлого—ясного,
«Та и миннѣ що перекажешь;
«То мы тобі такы щось скажемъ,
«А може въ пекло шляхъ покажемъ,
«Иды, утрься и билшь не слышь.»

Прыйшлы въ капльцо передь Феба,
Эней поклоны быты ставъ,
Щобъ изъ блакытного Фебъ неба,
Йому всю ласку показавъ.
Сывыллу тутъ замордовало
И очи на лобъ позганяло,
И дыбомъ волосъ ставъ сидый;
Клубкомъ изъ рота пина былась;
Самажъ вся корчылась, кривылась,
Мовъ духъ всемывся въ неи злый.

Тряслась, крктала, побывалась,
Якъ бубень сына стала вся;
Упавшы на землю качалась,
У барлози мовъ пороса.
И чимъ Эней молився билше,
То все було Сывылли гирше;
А послн якъ перемолывсь,
Съ Сывыллы тилько пить котывся;
Эней же на неи дывывся,
Дрыжавъ одъ страху и трусывся.

Сывымла трохы очуныла,
Отерла пину на губахъ;
И до Энея проворчала
Прыказъ одъ Феба, въ сыхъ словахъ:
«Така богивъ Олыпскыхъ рада,
«Що ты, и вся твоя громада
«Не будете по смерть въ Рыму;
«Но що тебе тамъ будуть знаты,
«Твое имення выхваляты; —
«Но ты не радуйся сьому.

«Ище ты выпьешъ добру повну,
«По всихъ усюдахъ будешъ ты;
«И долю гирьку, неугомонну,
«Готовсь свою не разъ клясты,
«Юнона ще не вдоволилась,
«Би злоба щобъ окошлась,
«Хотябъ на правнукахъ твоихъ;
«Но послѣ будешъ жыть по паньски,
«И людѣ вси твоѣ Трояньски,
«Забудуть всихъ сыхъ бидъ своихъ.»

Эней похмелюясь, дослухався,
Сывылла що йому верзла,
Стоявъ, за голову узявся,
Не по йому ся ричь була.
«Трохы мене ты не морочышъ,
«Не росчовну, що ты пророчышъ.»
Эней Сывыллн говорывъ:
«Діаволъ знае хто зъ васъ бреше,
«Трохыбъ минн було не легше,
«Якъ бы я Феба не просывъ.

«Та вже що буде, те и буде,
«А буде те, що Богъ намъ дастъ;
«Не ангелы, — такіижъ люды,
«Жолись намъ треба всимъ пропасть.
«До мене будь льншъ ты ласкава,
«Услужлива и не лукава,
«Мене до батька поведы;
«Я проходывсябъ рады скукы
«Побачыты пекельни мукы,
«А ну, на звизды погляды.

«Не першый я, та й не послідній,
«Иду до пекла на поклонъ,
«Орфей якый уже негідный,
«Та щожъ йому зробивъ Плутонъ;
«А Геркулесь якъ увальвся,
«То такъ у пекли розходився,
«Що всіхъ чортякъ порозганявъ.
«А ну! черкнимъ—а для охоты,
«Тоби я дамъ на дви охвоты...
«Та нужъ! скажы, щобъ я вже знавъ.»

«Огнемъ, якъ бачу, ты играешъ,
Йому дала Яга одвить:
«Ты пекла, бачу, ще не знаешъ,
«Не мыль тобі уже десь свить?
«Не люблять въ пекли жартоваты,
«По вись тобі дадутся знаты,
«Оттилько нись туды посунъ;
«Тоби тамъ буде не дочмыгы,
«Якъ пиднесуть и зъ оцтомъ фыгы,
«То заразь вхопытъ тебе лунь.»

«Колыжъ сю маешъ ты охоту
«У батька въ пекли побувать,
«Мини дай заразъ за роботу,
«То я прыймуся мусовать,
«Якъ намъ до пекла довалытысь,
«И тамъ на мертвыхъ подывытысь;
«Ты знаешъ, — дурень не бере:
«У насъ хоть трохи хто тямунцій,
«Умѣ жыть по правди сунцій,
«То той, хоть зъ батька, то здере.

«Покымъ же що, то ты послухай
«Того, що я тоби скажу,
«И головы соби не чухай....
«Я въ пекло стежку покажу:
«Въ лису великому, густому,
«Непроходьмому, пустому,
«Якеесь дерево росте;
«На нымъ кысльщи не простыи
«Ростуть, якъ жаръ, вси золотыи,
«И деревце те не товсте.

«Изъ дерева сього зломьты
«Ты мусишь гильку хоть одну;
«Безъ неи бо ни пидступыты
«Не можна передъ сатану;
«Безъ гильки и назадъ не будышь,
«И душу съ тиломъ ты погубышь,
«Плутонъ тебе закабамыть.
«Идыжъ, та пыльно прыглядайся,
«На вси чотыри озырайся,
«Де деревце те заблещыть.

«Зломывшы жъ заразь убирайся,
«Якъ мога швыдче утикай;
«Не становись, не оглядайся,
«И уха чимъ позатыкай;
«Хоть будуть голоса крычаты,
«Щобъ ты оглянувся, прохаты,
«Гляды не озырайся, бижы.
«Воны щобъ тилько погубыты,
«То будуть все тебе маныты;
«Оттуть себе ты покажы»

Яга, тутъ чортъ зна, де дивалась,
Эней остався тилько самъ,
Йому все яблуня здавалась,
Покою не було очамъ,
Шукать ти Эней похався,
Втомивсь, засапавсь, спотыкався,
Покры прыйшовъ пидъ темный лись;
Коловсь сердешный объ тернину,
Пошарпавсь ввесь объ шешину,
Було такє, що рачкы лизь.

Сей лись густый бувъ несказанной
И сумно все въ йому було;
Щось выло тамъ безперестанно
И страшнымъ голосомъ ревло;
Эней молитву прочытавши
И шапку цупко пидв'язавши,
Въ лисную гуцу и пишовъ;
Ишовъ и утомивсь чимало,
И на двори тогди смеркало,
А яблунь ще не знайшовъ.

Уже винь починавъ боятысь,
На вси чотыри озыравсь;
Трусывсь, та никуды диватысь,
Далеко тяжко въ лись забравсь;
А гирше ще його злякало
Якъ щось у очахъ засіяло,
Отъ-туть-то берега пустывсь;
А послѣ дуже удывывсь,
Якъ пидъ кысльцею опеньвсь —
За гильку заразь ухватывсь.

И не подумавшы ни мало
Напьявсь, за гилечку смыкнувъ,
Ажъ дерево те затрищало
И заразь гильку одчахнувъ.
И давъ чимъ дужъ изъ лису драма,
Що ажъ земля пидъ нимъ дрыкала,
Бигъ такъ, що самъ себе не чувъ;
Бигъ швидко, не останавлився,
Увесь обь колючкы подрався;
Якъ чортъ у ресьяхахъ весь бувъ.

Прыбігъ къ Троянцямъ утомився
И отдыхаты простягнувсь;
Якъ хлюща по́томъ весь облився,
Трохы, трохы не захлебнувсь.
Звеливъ съ бычни воливъ прыгнаты,
Цапивъ зъ вивцямъ прыпасаты,
Плутону въ жертву прынести,
И всимъ богамъ, що пекломъ правлять,
И гришнихъ тормошати и давять,
Щобъ гниву имъ не навесты.

Якъ тилько темна, та пахмурна
Изъ неба зсмызла чорна пичь;
Годынажъ стала балагурна,
Якъ звизды повтикалы причь;
Троянцы вси заворушылысь,
Завешталысь, закамешылысь
На жертву прыгонять быкивъ;
Дякы съ понамы позбиралысь,
Зо всимъ служыты вси прыбралысь,
Огонь розскладеный горивъ.

Пипъ заразъ взявъ вола за рогы,
И въ лобъ обухомъ зацидывъ,
И взявши голову мижъ ноги,
Нижъ въ черево и засадывъ;
И вынявъ тельбухы съ кышкамы,
Росклавъ гарненько ихъ рядамы,
И пыльно кендюхъ розглядавъ;
Энею послѣ божу волю
И всимъ Троянцямъ добру долю,
Мовъ по звиздамъ все вищовавъ.

Якъ тутъ зъ скотыною возымысь
И харамаркамы дякы,
Якъ вивци и цапы дровичымысь,
Въ ризницяхъ, мовъ, ревлы быкы;
Сывылма тутъ де не взялася,
Запинелася и тряслася
И галась заразъ пидняла:
«Къ чортамъ вы швидче вси изгышьте,
«Мене зъ Энеемъ тутъ покиньте,
«Не ждить, щобъ трышнѣ дала.

«А ты! мовляла ко Энею,
«Моторный, смилый молодець,
«Прощайся зъ юрбою своею,
«Ходимъ лышъ въ пекло — тамъ отецъ
«Нась твій давно вже дожыдае,
«И може безъ тебе скучае —
«А ну, пора чемчыковать.
«Возьмы на плечи съ хлибомъ клунокъ;
«Нехай йому лыхый прасунокъ,
«Якъ голодомъ намъ померать.

«Не йды въ дорогу безъ запасу,
«Бо хвистъ одъ голоду надмешъ;
«И де-где ынчого ты часу,
«И крыхты хлиба не найдешъ;
«Я въ пекло стежку протоптала,
«Я тамъ не разъ, не два бувала,
«Я знаю тамошній народъ;
«Дорожки вси, вси уголочки,
«Вси закоморочки, куточки
«Уже не первый знаю годъ.»

Эней въ сю путь, якъ разъ зибрався,
Шкапови чоботы набувъ,
Пидтыкався, пидперезався,
И поясъ цупко пидтягнувъ;
А въ руки добру взявъ дрючину
Обороняты злу лычыну,
Якъ лучытся де одъ собакъ.
А послѣ за руки взялися,
Прямцемъ до пекла поплелыся,
Пищлы на прощу до чортякъ.

Теперь же думаю, гадаю,
Трохы не годи и пысать;
Изъ роду пекла я не знаю,
Не здатный, дале-би, брехать;
Хиба чытатели пождите,
Вгамуйтесь трохы, не галите,
Пиду я до людей старыхъ;
Щобъ ихъ о пекли роспытаты
И попрошу ихъ розказаты,
Що чулы одъ дидивъ своихъ.

Выргымій же нехай царствує,
Розумненькій буѣ чоловікъ,
Нехай не вадыть, якъ не чує,
Та въ давній дуже живѣ, винѣ вѣкъ.
Не такъ теперъ и въ пекли стало,
Якъ въ старыну колысь бувало
И якъ покійныкъ написавъ;
Я може що нибудь прибавлю,
Переминю и що оставлю,
Писну — якъ одъ старыхъ чувавъ.

Эней съ Сывымлою хватались,
До пекла швидче щобъ прійты,
И дуже пыльно прыглядались,
До пекла двери якъ найты.
Якъ-ось передъ якуось гору
Прыйшлы, и въ ній вельку пору
Знайшлы и вскочылы туды.
Пшлы пидъ землю темнотою,
Эней все щупався рукою,
Щобъ не ввалытыся куды.

Ся улыця вела у пекло,
Була вонюча и грязна;
У ній и въ день було мовъ смеркло,
Одъ дыму вся була чадна;
Жыла съ сестрою тутъ дримота,
Сестра же звалася зивота,
Поклонъ си перши оддалы
Тимаси нашому Эпею
Зъ його старою попадею —
И послѣ дали повелы.

А потимъ смерть до артыкулу
Имъ воздала косою честь,
Напередъ стоя калавуру,
Якый у ти мосци есть:
Чума, война, харцьизство, холодъ,
Короста, трясця, парши, голодъ;
За сымьжъ тутъ стоялы въ рядъ:
Холера, шолуди, бешыха,
И вси мырянъски, знаешъ, лыха,
Що насъ безъ мымоу морять.

Ище жъ не все тутъ окошлось,
Ище брела ватага лыхъ:
За смертію слидомъ валылось
Жинокъ, свекрухъ и мачухъ злыхъ.
Видчымы йшлы, тести скупьягы,
Зяти и своякы мотягы,
Сердыти шурыны, браты,
Зовыщи, невесткы, ятровкы—
Що все грызутся безъ умовкы—
И всяки тутъ булы каты.

Якіись злыдни ще стоялы,
Жовалы все въ зубахъ напиръ,
Въ рукахъ каламари держалы,
За уха настромлялы пиръ.
Се все десятьски, та соцькіе,
Началныкы, пъявки людскіе
И вси прокляти пысари,
Исправныкы все ваканцьови,
Судьи и стряпчи безтолкови,
Повиренни, секретари.

За сымы йшлы святи понуры,
Що не дывымысь и на свить,
Смыренной булы натуры,
Складалы руки на живить;
Умыльно Богу все моымысь,
На тыждень дни по тры постымысь
И въ слухъ не лаялы людей;
На чоткахъ мырь пересуждалы
И въ день никоы не гулялы,
Въ ночи жъ було не безъ гостей.

На супротывъ сыхъ окаянныць,
Кварталь бувъ цилый волоцюгъ,
Моргухъ, мандрюхъ, ярыжныць, пьяныць
И бахуривъ на цилый плугъ;
Зъ обстриженными головами,
Зъ пидризанными пеленами,
Стоялы хльоркы наголо.
И панночокъ филтифкетныхъ,
Лакеивъ гарныхъ и дотепныхъ
Багацько дуже щось було.

30 / { И молодьци молоденьки,
Що вийшли замужъ за старыхъ,
Що всякій часъ були раденьки
Потишуть парнивъ молодыхъ;
И ти тутъ молодци стоялы,
Що не дотешнымъ помагали
Для ныхъ симейку російлодыть;
А диты гуртови крычали,
Своихъ пань-матокъ прокльнали,
Що не дамы на свити жыть.

Эней хотъ сыльно тутъ дывывся
Такій великій новыни,
Та вже одъ страху такъ трусьвися,
Мовъ сыдя охляпъ на кони.
Побачывшыжъ ище издали,
Яки тамъ дыва плазовали,
Кругомъ куды ни поглядьшъ,
Злякавсь, къ Сывылли прыхылився,
Хватавсь за дергу и тулывся,
Мовъ одъ kota въ комори мышъ.

Сивылла въ дальшій путь таскала,
Не баскамычывсь бы та йшовъ;
И такъ швыденько поспишала,
Эней не чувъ ажъ шдошовъ,
Хватаючыся за ягою;
Якъ-ось уздрилы предъ собою
Черезъ ричку въ пекло перевизъ:
Ся ричка Стыксомъ называлась,
Сюды ватага душъ збиралась,
Щобъ хто на той бикъ перевизъ.

И перевизчыкъ тутъ явився,
Якъ цыганъ смуглой перы бувъ,
Одъ сонця весь винъ попалывся,
И губы якъ Аранъ отдувъ;
Очыща въ лобъ позападамы,
Сметаною позанывалы,
А голова вся въ ковтунахъ;
Изъ рота слына все котылась,
Якъ повстка борода скомшылась,
Всімъ задававъ собою страхъ.

Сорочка звязана узламы
Держалась въ сылу на плечахъ,
Попрычепляна мотузкамы,
Якъ решето була въ диркахъ;
Замазана була напалець,
Засалена, ажъ капавъ смалець,
Обутый въ драни постолы;
Изъ диръ онучи волочылысь,
Зо всимъ, хоть выжмы, помочылысь,
Пошарпани штаны булы.

За поясъ лько одвичало,
На йому висивъ гаманецъ;
Тютюнъ и люлька и кресало,
Лежалы губка, креминець.
Харономъ перевизчыкъ звався,
Собою дуже вельчався,
Бо и не въ шутку бувъ божокъ:
Съ крючкомъ веселцемъ погрибався,
По Стыксови якъ стрилка мчався,
Бувъ човень легкій якъ пушокъ.

На ярмарку якъ слобожане,
Або на красному торгу
До рыбы товплятся мыряне,
Було на сьому такъ лугу.
Душа товкала душу въ боки
И скрыготалы мовъ сорокы;
Той пхавсь, той сунувсь, ынчий лизь;
Вси мьялыся, перебирались,
Крычалы, спорылы и рвались
И всякъ хотивъ, його щобъ визъ.

Якъ гуща въ сиривци играе,
Шыплять якъ кваснуть бурякы,
Якъ противъ сонця рій гуляе,
Гулы си такъ неборакы,
Харона плачучы прохалы,
До його руки простягалы,
Щобъ взявъ зъ собою на каюкъ;
Но сей того плачу байдуже,
На прозьбы уважавъ не дуже;
Злый съ сына бувъ старый дундукъ.

И знай що все весломъ махае,
И въ морду тыче хочь кому,
Одъ каюка всіхъ одганяе,
А по выбору своему
По трошечку въ човень сажае,
И заразь човень одпыхае,
На другій перевозыть бикъ;
Кого не визьме, якъ затнется,
Тому сидиты доведется,
Гляды — и цильый може вить.

Эней въ кагаль сей якъ убрався,
Щобъ зблизжытыся къ порому;
То съ Палинуромъ повстричався,
Штурмановавъ що пры йому.
Тутъ Палинуръ предъ нымъ заплакавъ,
Про долю злу свою балакавъ,
Що черезъ ричку не везуть:
Но баба заразь розлучыма,
Энею въ батька загвоздыма,
Щобъ довго не базикавъ тутъ.

Попхались къ берегу поближе,
Прыйшли на самый перевизъ,
Де засмалцованный дидыще
Вередовавъ якъ въ гребли бись;
Крычавъ, буцимъ-то навыженный
И кобеньвъ народъ хрещеный,
Якъ водится въ шинькахъ у насъ;
Досталось родычамъ сердешнымъ,
Не дуже лаявъ словомъ гречнымъ,
Нехай же зносятъ въ добрый часъ.

Харонъ такихъ гостей уздрившы,
Оскилкамы на ихъ дывывсь,
Якъ быкъ скаженный заревившы,
Запинывсь дуже и озывсь:
«Видкиль такіи се мандрюхы,
«И такъ уже васъ тутъ не трохы,
«Якого чорта вы прыйшли?
«Васъ треба хаты холодины!
«Васъ треба такъ опроводиты,
«Щобъ вы и мисця не найшли.

«Геть, пречь, вбпайтесь видсилъ кь чортъ,
«Я вамъ потыльшныка дамъ;
«Побью всю пыку, зубы, морду,
«Ажъ не пизна васъ дидко самъ;
«И йонъ же якъ захрабровалы,
«Жыви сюды прымандровалы,
«Бачь гыряви чого хотять!
«Не дуже я на васъ покваплюсь,
«Туть зъ мертвымы ось не управлюсь,
«Що такъ надъ шысю стоять.

Сывылма бачыть, що не шутка,
Бо дуже сердытся Харонъ;
Эней же бувъ соби плюхутка;
Дала старыганю поклонъ:
«Та ну, на насъ лышь прыдывыся,
Сказала:» дуже не гнивыся,
«Не самы мы прыйшлы сюды;
«Хиба жъ мене ты не пизнаешъ,
«Що такъ крычышь, на насъ гукаешъ —
«Оце не выдани биды!

«Ось глянься, що оце такеє!
«Утыхомырся, не бурчы;
«Ось деревце, бачь, золотее,
«Теперь же, колы хочь, мовчы.»
Потимъ все дрибно розказала,
Кого до пекла провожала,
До кого, якъ, про що, за чимъ.
Харонъ же заразъ схаменувся,
Разивъ съ чотыри погребнувся
И съ каючкомъ прычалывъ къ нимъ.

Эней съ Сывыллою своею
Не мишкавшы въ човенъ ввійшли;
Кальною ричкою сією
На той бикъ въ пекло поплыли;
Вода въ розколыны льлася,
Що ажъ Сывылла піднялася,
Эней боявсь, щобъ не втонуть;
Но панъ Харонъ нашъ потрудився,
На той бикъ такъ перехопився,
Що шильзя окомъ измыгнуть.

Прыставшы, высадывъ на землю;
Взявъ пивъ-алтына за труды,
За працьовыту свою греблю,
И що сказавъ иты куды.
Пройшовшы видсиль гонивъ зъ двое,
Побравшысь за руки обое,
Побачылы, що ось лежавъ
У бурьяни бровко муругый,
Тры головы мавъ песь сей мурый,
Винъ на Энея загарчавъ.

Загавкавъ гризно въ тры языки,
Уже бувъ кынувсь и кусать,
Эней пиднявъ тутъ крыкъ велькый,
Хотивъ чимъ-дужъ назадъ втикать.
Ажъ баба хлибъ бровку шпурнула
И горло глевтякомъ заткнула,
То винъ за кормомъ и погнався;
Эней же зъ бабою старою,
То сякъ, то такъ, по шидъ рукою
Тыхенько одъ бровка убравсь.

Теперь Эней убрався въ пекло,
Прыйшовъ зо всимъ на ынчій свить;
Тамъ все поблѣдло и поблѣкло,
Нема, ни мисяця, ни звиздъ,
Тамъ тилько туманы вельки,
Тамъ чутии жалобныя крыкы,
Тамъ мука гришнымъ не мала,
Эней съ Сывыллою глядины
Якѣи мукы тутъ терпины,
Якая кара всимъ була.

39
Смола тамъ въ пекли клетотила
И грилася все въ казанахъ,
Жывыця, сирка, нефть кишила;
Палавъ огонь, велькый страхъ!
Въ смоли сѣй гришныкы сидили
И на огни пеклись, горили,
Хто якъ, за вищо заслуживъ,
Перомъ не можна напысаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якыхъ було багацько дывъ!

Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарылы зо всіхъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставылы ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очереть косылы,
Носылы въ пекло на пидпалъ.
Чорты за нымы прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганялы,
Колы якый зъ ныхъ прыстававъ.

Огненнымъ пруттямъ отдыралы
Кругомъ на спыну и жывить,
Себе що самы убывалы,
Якымъ остывъ нашъ бильый свить.
Гарячимъ дьогтемъ заливалы,
Ножамы пидъ боки штрыкалы,
Щобъ не хапалысь умерать.
Робылы розныи имъ муки,
Товкылы у мужчырахъ ихъ руки,
Не важылысь щобъ убывать.

Багатымъ, та скупымъ вливали
Ростопленное сребло въ ротъ,
А брехунивъ тамъ заставлялы
Лызать горячыхъ сковородъ;
Яки жъ изъ роду не женымысь,
Та по чужымъ куткамъ живылысь,
Таки повишани на крюкъ,
Зачеплени за тее тило,
На свити що гришыло сміло,
И не боялося сыхъ мукъ.

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хльору,
Всимъ по заслужи, якъ котамъ.
Тутъ всякые булы цехмыстры
И ратманы и бургомыстры,
Судьи, пидсудкы, пысари;
Яки по правди не судылы,
Та тилько грошыкы лупылы
И одбиралы хабари.

И вси розумни фылозофы,
Що въ свити вчылысь мудровать;
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать;
Щобъ не гаялысь за грывнямы,
Щобъ не возымысь зъ попадамы,
Та зналы церковъ щобъ одну;
Ксьондзы до бабъ щобъ не иржали,
А мудри звиздъ щобъ не знималы —
Булы въ огни на самимъ дну.

Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю имъ дамы,
По весилляхъ ихъ одпускалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де колы скакалы,
Таки сидилы вси въ шапкахъ
И съ превелькымы рогамы,
Съ зажмуренными вси очамы,
Въ кышычыхъ сиркой казанахъ.

Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головахъ,
И тилько знай, що ихъ хвалылы,
Кипилы въ нефти въ казанахъ;
Що черезъ ихъ сынкы въ ледащо
Пустылыся, шишлы въ нинащо,
А послѣ чубылы батькивъ,
И всею сылою бажалы,
Батькы щобъ швидче умералы,
Щобъ имъ прынятысь до замкивъ.

И ти булы тамъ лыгомынці,
Пиддурювалы що дивокъ,
Що въ викна дрались по драбынці,
Пидъ темный тихій вечерокъ;
Що будуть сватать ихъ брехалы,
Пидманювалы, улещалы,
Поки добрались до кинця;
Поки дивкы одъ перечосу
До самого товстѣлы носу,
Що соромъ послѣ до винця.

Булы тамъ купчыкы проворни,
Що йиздылы по ярмаркамъ,
И на аршынецъ на пидборный,
Поганый продавалы крамъ.
Тутъ всякіе булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды, миняйлы, шынькари,
И ти, що фыгы-мыгы возять,
Що въ боклагахъ гарачій носятъ,
Тамъ вси пеклыся крамари.

Палыводы и волоцюгы,
Вси зводныкы и вси плуты;
Ярыжныкы и вси пьяногы,
Обманцыкы и вси моты,
Вси ворожбыты, чародіи,
Вси гайдамакы, вси злодіи,
Шевци, кравци и ковали;
Цехы: ризницькій, коновальскій,
Кушнирскій, ткацькій, шаповальскій,
Кышлы въ пекли вси въ смоли.

Тамъ вси невірни и хрыстьяне,
Булы паны и мужыкы,
Була тутъ шляхта и мищане
И молоди и старыкы;
Булы багати и убоги,
Прями булы и кривоноги,
Булы выдющи и слипи,
Булы и штатски и военни,
Булы и паньски и казенни,
Булы мыряне и поны.

Гай! гай! та нигде правды диты,
Брехня жъ наробыть лыха билшъ;
Сидилы тамъ скучни пшты,
Пысарчуку поганыхъ виршъ,
Велькіи терпили муки,
Имъ звязани булы и руки,
Мовъ у Татаръ терпили плинъ.
Отъ-такъ и нашъ братъ попадется,
Що пыше, не остережеться.
Якый же втерпытъ його хрипъ.

Якусь особу мацапуру
Тамъ шкварылы на шашлыку,
Гарячу мидь лылы за шкуру
И роспыналы на быку.
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Кривывъ душею для прыбытку,
Чужее отдававъ въ печать;
Безъ соромъ, безъ Бога бувшы,
И восьму заповидь забувшы,
Чужымъ пустывся промыслять.

Эней якъ видсилъ видступывся
И дали трохы одійшовъ,
То на другее нахопывся,
Жиночу муку тутъ найшовъ.
Въ другимъ зо всимъ сыхъ каравани
Пиджарьовалы якъ у бани,
Що ажъ крычалы на чимъ-свить;
Оци-то галась исправлялы,
Гарчалы, вылы и пынчалы,
Писля кути мовъ на жывить.

Дивкы, бабы и молодыщи

Клялы себе и весь свѣй ридъ,

Клялы вси жарты вечерныщи,

Клялы и жызнъ и бильй свить;

За те имъ такъ тамъ задавалы,

Що черезъ миру мудровалы

И верховодылы надъ всимъ;

Хоть чоловикъ и не онее,

Колы же жинци, бачышь, тее,

Такъ треба угодыты йй.

Булы тамъ честни пустомолкы,

Що зналы весь святый законъ,

Молымыся безъ остановки

И былы сотъ по пять поклонъ,

Якъ въ церкви мижъ людьмы стоялы

И головамы все хыталы;

Якъ же булы на самоти,

То молитовныкы ховалы,

Казымысь, бигалы, скакалы

И гирише децо въ темноти.

Булы и тїи тамъ панянки,
Що наряжались на показъ;
Мандрьохы, хльоркы и дштянки,
Що продають себе на часъ.
Си въ сирци и въ смоли кипили,
За те, що жырно дуже йшли
И що ихъ не страшывъ и шість;
Що все прыкушовалы губы;
И скалылы биленьки зубы
И дуже волочылы хвистъ.

Пеклысь тутъ гарни молодьци,
Ажъ жаль було на нихъ глядять,
Чорняви, повни, мылюльци;
И си тутъ мусилы кышитъ,
Що за мужъ за старыхъ ходылы
И мышакомъ ихъ поморылы,
Щобъ послѣ гарно погулять,
И съ парубками поводитььсь,
На свити весело нажытысь
И не голоднымъ умерать.

Якісь мучылысь тамъ птахы
Сь куделямы на головахъ;
Се честныи, не потіпахы,
Булы тендитни пры людяхъ;
А безъ людей? — не можна знаты
Себе чимъ малы забавляты,
Про те лышъ зналы до дверей.
Имъ тяжко въ пекли докорялы,
Смолы на щокы напцлялы,
Щобъ не дурылы такъ людей.

Бо щокы терлы манією,
А блейвасомъ и шисъ и лобъ,
Щобъ краскою, хоть не своею
Прычаровать къ соби когобъ;
Изъ ршчы пидставлялы зубы,
Ялозылы все смальцемъ губы,
Щобъ пидвесты на гріхъ людей;
Пиндючылы якіесь бочки,
Мостылы въ пазуси платочки,
Въ которыхъ не було грудей.

За сымы по ряду шкварчалы
Въ распаленныхъ сковородахъ
Стари бабы, що все ворчалы,
Базикалы о всихъ дилахъ;
Все тилько старыну хвалылы,
А молодыхъ товкы та былы,
Не думалыжъ яки булы,
Ище якъ самы дивовалы
Та съ хлопцямы якъ гарцювалы,
Та й по дetyнцi привелы.

Видьомъ же тутъ колесовалы
И всѣхъ шептухъ и ворожокъ,
Тамъ жылы зъ ныхъ чорты моталы
И безъ ветушкы на клубокъ;
На прыпичкахъ щобъ не оралы,
У комены щобъ не литалы,
Не йиздымыбъ на упыряхъ;
И щобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы,
Не ворожымыбъ на бобахъ.

А зводныцямъ таке робылы,
Що цуръ йому вже и казать,
На грихъ дивокъ що пидводылы
И сымъ учылысь промышлять;
Жинокъ одъ чоловикивъ кралы
И волоцюгамъ помагалы
Рогамы людськйй лобъ квичать;
Щобъ не своимъ не торговалы,
Тогобъ на одкупъ не давалы,
Що треба про запасъ держать,

Эней тамъ бачывъ щось не мало
Кыпящихъ мученьцъ въ смоли,
Якъ съ кабанивъ топылось сало,
Такъ шкварымыся си въ огни;
Булы и свитськи и черныци,
Булы дивкы и молодыци,
Булы и паньи й панночкы;
Булы въ свиткахъ, булы въ охвотахъ,
Булы въ дульетахъ и въ капотахъ,
Булы вси гришны жиночкы.

Но се булы все осужденни,
Яки померлы не теперь;
Безъ судужъ не палывъ некедьный
Огонь, недавно хто умеръ;
Си вси булы въ другимъ загони,
Якъ бы лошата, або кони,
Не зналы попадутъ куда;
Эней на першыхъ подывывшысь
И о бедахъ ихъ пожурывшысь,
Пишовъ въ други ворота.

Эней ввійшовшы въ сю кошару,
Побачывъ тамъ багацько душъ,
Вмишавшыся мижъ сю отару,
Якъ мижъ гадюкы чорный ужъ.
Тутъ розни души похожалы,
Все думалы, та все гадалы,
Куда то за грихы ихъ впруть.
Чи въ рай ихъ пустять веселытысь,
Чи може въ пекло пошмалытысь
И за грихы имъ носа втруть.

Було имъ вильно розмовляты
Про всякіи свои дила,
И думаты и мизковаты
Яка душа, де, якъ жыла;
Багатый тутъ на смерть гнився,
Що винъ зъ гришмы не розличвся,
Кому и килько треба дать;
Скупый же тосковавъ, нудився,
Що винъ на свити не нажився,
И що не вспивъ и погулять.

Сутяга толковавъ указы,
И що то значить нашъ Статуть;
Росказовавъ свои проказы,
На свити що робивъ сей плуть.
Мудрець же Фызыку провадивъ
И толковавъ якихъсь монадивъ
И думавъ видкиль взявся свить?
А мартоплясь крычавъ, сміявся,
Росказовавъ и дывовався,
Якъ добре знавъ жинокъ дурыть.

Судья тамъ признавався смило,
Що съ гудзыкамы за мундырь
Таке переоначывъ дило,
Що можебъ навистывъ Сибирь;
Та смерть избавыла косою,
Що катъ легенькою рукою
Плечей йому не покрывъ.
А ликаръ скризъ ходывъ зъ ланцетомъ,
Зъ слабьтельнымъ и спермацетомъ
И чванывсь, якъ людей морывъ.

Ласоцохлысты похожалы,
Вси фертыкы и панычи,
На пальцахъ ногтыкы кусалы,
Роспрындывшысь якъ навычи;
Все очи въ гору шиднималы,
По свиту нашому вздыхалы,
Що рано ихъ побрала смерть;
Що трохы славы учынылы,
Не всихъ на свити подурмы,
Не всиъ успили морду втерть.

Моты, картожныкы, пьяногы,
И весь проворный честный родъ;
Лакеи, конюхы и слугы,
Вси кухари и скороходъ,
Побравшись за руки, ходылы
И все о плутняхъ говорылы,
Яки робылы якъ жылы,
Якъ паней и панивъ дурьлы,
Якъ по шынькахъ въ ночи ходылы
И якъ съ кишень платкы тяглы.

Тамъ прыдзыгльованкы журымысь,
Що никому вже пидморгнуть,
За нмы билшъ не волочымысь,
Туть ихъ заклекотила путь;
Бабы туть билшъ не ворожымы
И простодушныхъ не дурьлы.
Якижъ дивокъ охочи быть,
Зубамы зъ серця скреготалы,
Що наймычкы ихъ не вважалы
И не хотылы имъ годить.

Эней уздривъ свою Дидону
Ошмалену, мовъ головня,
Якъ разъ по нашому закону
Предъ нею шапочку и знявъ;
«Здорова! — глянь.... де ты взялася?
«И ты сердешна прышмелася
«Изъ Карфагены ажъ сюда?
«Якого биса ты спеклася,
«Хиба на свити нажымася?
«Чортъ мавъ тобі десь и стыда.

«Така смашная молодьця,
«И глянь! умерла залюбки....
«Румьянна, повна, билюльця,
«Хто гляне, то лызне губкы;
«Теперь зъ тебе яка утиха?
«Ни хто не гляне и для смиха,
«На вискъ теперь пропала ты!
«Я, дале-би, въ тимъ не вшыю,
«Що такъ розыйхався съ тобою,
«Мини прыказано втекты.

«Теперь же, комы хочь, злыгаймось»

«И нумо жыть такъ, якъ жылы,

«Тутъ закуримъ, заженыхаймось,

«Не разлучаймось николы;

«Ходы, тебе я помылую,

«Прыжму до серця — поцилую....»

Йому жъ Дидона на отризь

Сказала:» къ чорту убирайся,

«На мене бишь не женихайся...

«Не лизь! — бо розибью и нись.»

Сказавшы, чортъ зна де пропала,

Эней не знавъ що и робить.

Колыбъ яга не закрычала,

Що довго годи говорить,

То можебъ тамъ и застоявся

И може той поры дождався,

Щобъ хто и ребра полычывъ:

Щобъ съ вдовамы не женихався,

Надъ мертвымы не наглумлявся,

Жинокъ любовью не морывъ.

Эней съ Сывыллою попхався
Въ пекельную подали глушгь;
Якъ на дорози повстричався
Съ громадою знакомыхъ душгь:
Тутъ вси зъ Энеемъ обнимались,
Чоломкались и циловались,
Побачывшы Князька свого;
Тутъ всякъ сміявся, реготався,
Эней до всіхъ ихъ доглядався,
Знайшовъ зъ Троянцївъ ось кого:

Педька, Терешка, Шелифона,
Панька, Охрима и Харька,
Леська, Олешка и Сизьона,
Пархома, Йиська и Феська,
Стецька, Опыська, Опанаса,
Свырыда, Лазаря, Тараса,
Булы Деньисъ, Остапъ, Овсїй
И вси Троянцы, що втопылись,
Якъ на човнахъ зъ нымъ волочылись,
Тутъ бувъ Верныгора Мусїй.

Жыдивська школа завелася,
Велькій крикъ вси піднялы,
И реготня де не взялася,
Туть всяку всячину верзлы;
Згадалы, чортъ знае, колышне,
Балакалы уже и лышне,
И самъ Эней тутъ росходывсь;
Щось балагурылы довгенько,
Хоть изійшлыся и раненько,
Та панъ Эней нашъ опизнивсь.

Сывыми се не показалось,
Що такъ пахолокъ застоявсь,
Що дьятятко такъ розбрехалось,
Уже и о свити незнавсь;
На його гризно закрычала,
Замаяла, запорошала,
Що ажъ Эней весь затрусывсь.
Трояныци также вси здрыгнулы
И въ ростычь, хто куды, махнулы,
Эней за бабою пустывсь.

Ишли, и якъ бы не збрехаты,
Трохы не съ пару добрыхъ гинь,
Якъ-ось побачылы и хаты
И весь Плутонивъ царскій димъ.
Сывылма пальцемъ указала,
И такъ Энееви сказала:
«Отъ тутъ и панъ Плутонъ живе
«И съ Прозерпыною своею,
«До ихъ то на поклонъ съ гиллею
«Теперь я поведу тебе.»

И тилько що прыйшли къ воротамъ,
И въ двиръ пустылыся чвалать,
Якъ баба брыдка, криворота,
«Хто йде?» ихъ стала окликать.
Мерзене чудо се стояло
И было пидъ дворомъ въ клепало,
Якъ въ паньскихъ водьтця дворахъ;
Обмотана вся ланцюгами,
Гадюкы вылыся клубками
На голови и на плечахъ.

Вона безъ всякого обману
И щиро безъ обенякивъ,
Робыла гришнымъ добру шану,
Ремнямы драма мовъ быкивъ;
Кусала, грызла, бычовала,
Крышмыла, шкварыма, щышала,
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчыла, пылила,
Вертила, рвала, шпыговала
И кровь изъ тила ихъ пыла.

Эней, бидняжка, излякався,
И весь якъ крейда побилнвъ,
И заразь у ягы спытався,
Хто ий такъ мучыты веливъ?
Вона йому все розказала
Такъ, якъ сама здорова знала,
Що въ пекли есть судья Эакъ;
Хоть винъ на смерть не осуждае,
Та мучыты повеливае,
И якъ звельтъ — и мучать такъ.

Ворота самы одчынылись,
Не смивъ ни хто ихъ задержать,
Эней съ Сивыллою пустылись,
Щобъ Прозерпыни честь отдать;
И поднесы ий на болячку,
Ту судо золоту гиллячку,
Що сыльно такъ вона бажа.
Но къ ній Энея не пустылы,
Прогнамы, трохи и не былы,
Бо хырила ихъ госпожа.

А дали вперлыся въ будыны
Пидземного сього царя,
Ни гичь, ни гаряля пылыны,
Було все чысто якъ зоря;
Цвяховани булы тамъ стины
И викна вси зъ морьскои шыны;
Шумыха, оливо, свинець,
Блыщалы миди тамъ и крыщи,
Вси убранн булы свитльци;
По правди, паньскій бувъ дворець.

Эней съ ягою розглядамы
Вси дыва тамъ, яки булы,
Роты свои пороззявлямы
И очи на лобы пъялы;
Промижъ собою все зглядамысь,
Всёму дывылысь, осмихалысь,
Эней то цмокавъ, то свыставъ.
Отъ-туть-то души лыковалы,
Що праведно въ мыру жывалы,
Эней и сыхъ тутъ навицавъ.

Сидилы руки поскладавши,
Для ныхъ все праздныкы булы;
Люльки курылы полягавшы,
Або горилочку пылы
Не тютюнкову и не шинну,
Но третьопробну, перегинну,
Настоянную на бодянь;
Пидъ челюстамы запикану
И зъ ганусомъ и до калгану,
Въ ній бувъ и перецъ и шапранъ.

И ласощи все тилько йилы,
Сластьоны, коржыкы, стовщи,
Варенычкы пшенишны, били,
Пухки съ кавьяромъ буханци;
Часныкъ, рогизъ, паслинь, кысльщи,
Козельщи, тернь, глidy, полуныщи,
Крутыи яйця съ сиривцемъ;
И дуже вкусную лешню,
Якусъ Немецьку, не тутешню,
А запывалы все пывцемъ.

Вельке тутъ було роздомля
Тому, хто праведно живе,
Такъ, якъ вельке безголовья
Тому, хто гришну жызнь веде;
Кто мавъ къ чому яку охоту,
Тутъ утищався тымъ до поту;
Тутъ чыстый бувъ розгардіяшъ:
Лежы, спы, йижъ, пый, веселься,
Крычы, мовчы, спивай, крутыся;
Рубайсь, — такъ и дадутъ палашъ.

Ни чванымысь, ни вельчалысь,
Ни хто не знавъ тутъ мудровать,
Крый Боже! щобъ ни догадамысь
Братъ зъ брата въ чимъ покепковать;
Ни сердымыся, ни гнивымысь,
Ни лаямыся и не бымысь,
А вси жылы тутъ любязно;
Тутъ всякій гласно женихався,
Ревнывыхъ ябедъ не боявся,
Було въ обще все за одно.

Ни холодно було, ни душно,
А саме такъ, якъ въ сирякахъ,
И весело и такъ не скучно,
На велькодныхъ якъ святкахъ;
Колы кому що захотілось,
То тутъ якъ зъ неба и вродылось; —
Отъ-такъ-то добри тутъ жылы.
Эней се зрившы дывовався,
И тутъ ягы своей спытався
Яки се праведни булы? —

«Не думай, щобъ булы чыновни,
Сывылла сей дала отвить:

«Або що грошей скрыни повни,

«Або въ якихъ товстый жывить,

«Не ти се, що въ цвитныхъ жупанахъ,

«Въ кармазынахъ, або сапьянахъ;

«Не тижъ, що съ книгами въ рукахъ,

«Не рыцари, не розбышаки;

«Не ти се, що крычать и паки,

«Не ти, що въ золотыхъ шапкахъ.

«Се бидни ныщи, навыженни,

«Що дурными счыслялы ихъ,

«Старці, хромѣ, слѣпорожденни,

«Зъ якихъ бувъ людскій глумъ и смихъ;

«Се, що съ порожними сумками

«Жылы голодни пидъ тынамы,

«Собакъ дражнымы по дворахъ;

«Се ти, що бигъ дастъ получалы,

«Се ти, якихъ выпроважалы

«Въ потыльщю и по плечахъ.

«Се вдовы бидни, безпомощни,
«Якымъ пріоту не було;
«Се дивы честни, не порочни,
«Якымъ спидныщи не дуло;
«Се що безъ родычивъ осталысь....
«И сыротамы называлысь,
«А послѣ вбгальсь и въ окладъ;
«Се, що проценту не лупылы,
«Що людемъ помагать любылы,
«Хто чимъ богать, то тымъ и радъ.

«Тутъ такъ же старшына правдыва,
«Бувають всякіе паны;
«Но тилько трохи сього дыва,
«Не кваплятся на се вони!
«Бувають військови, значкови,
«И сотныкы, и бунчукови,
«Яки правдыву жызнъ велы;
«Тутъ люде всякого завиту
«По бѣлому есть килько свиту,
«Котори праведно жылы.»

«Скажи жъ моя голубко сыза,
Ище Эней ягы спытавъ :
«Чомъ батька я свого Анхыза
«И доси въ вичи не выдавъ?
«Ни съ гришнымы, ни у Плутона,
«Хиба йому нема закона,
«Куда його щобъ засадыть?—
«Винъ божои, сказала, крови
«И по Венереній любви,
«Де схоче, буде тамъ и жить.»

Базикавши зійшли на гору,
На землю силы отдыхать,
И поотившы саме въ пору,
Тутъ прынялися розглядать,
Анхыза щобъ не прогуляты,
Обрыдло бо и такъ шукаты;
Анхызъ же бувъ тогди въ низу
И похожавшы по дольни,
Объ мыленькій своїй дытьни
Водывъ по мизку коверзу.

Якъ глядь на гору не нарокомъ
И тамъ свого сынка уздривъ,
Побигъ старый не просто, — бокомъ
И весь одъ радости згоривъ
Хватавсь зъ сынкомъ поговорыты,
О всехъ спытатысь, роспросыты
И повыдатысь хоть часокъ;
Энеечка свого обняты,
По батькивській поцимоваты,
Його почуты голосокъ.

«Здоровъ сынашу, ма дытатко!
Анхызъ Энееви сказаъ:
«Чи сежъ тобі такы не стыдно,
«Що довго я тебе тутъ ждавъ.
«Ходимъ лышень къ мойй господи,
«Тамъ поговорымъ на свободи,
«За тебе будемъ мырковать.»
Эней стояеъ такъ, мовъ дубына,
Котылась зъ рота тилько слына,
Не смиеъ мертцвья поцимовать.

Анхызъ сю бачывши прычыну,
Чого сыночокъ сумовавъ,
И самъ хотивъ обнять дытыну —
Та ба! уже не въ ту попалъ;
Прынявсь його щобъ научаты,
И тайности йому сказаты,
Якый Энепъ буде плідъ.
Якіи диты будуть жвави,
На свити зроблять скільки славы,
Якымъ то хлопцямъ буде дідъ.

Тогди-то въ пекли *вечерницы*
Лучылись, бачышъ, якъ на те,
Булы дивкы, та молодыци
И тамъ робылы не пуге:
У *ворона* соби играмы,
Весельныхъ писенюкъ спивалы,
Спивалы тутъ и колядокъ;
Палылы клочча, ворожылы,
По спыни лещатамы былы,
Загадовалы загадокъ.

Туть заплиталы джерегели,
Дробушечкы на головахъ;
Скакалы по полу *вегери*,
Въ *тиснои бабы* по лавкахъ;
А въ комень суженыхъ пыталы,
У хатнихъ виконъ підслухалы,
Ходылы въ пивничъ по пусткамъ.
До свичкы ложечкы палылы,
Щытышу изъ свынн шмалылы,
Або жмурымысь по куткамъ.

Сюды прывивъ Анхызъ Эней
И мижъ дивокъ сыхъ посадывъ;
Якъ неuka и дурамея
Принять до гурту, ихъ просывъ,
И щобъ обомъ имъ услужылы,
Якъ знаютъ, такъ поворожылы,
Що стринется зъ його сынкомъ:
Чи винъ хоть трохи уродливый,
Къ чому и якъ Эней щастливый,
Щобъ всіхъ спыталысь ворожокъ.

Одна дивча була гостренька
И саме ухо прехихе,
Швыдка, гнучка, хвистка, порскенька,
Було зъ діавола лыхе.
Вона тутъ тилько и робыла,
Що всимъ гадала, ворожыла,
Могуща въ дили тимъ була;
Чи брехенькы яки сточыты,
Кому имения прыложыты,
То такъ якъ разъ и додада.

Привидця заразъ ся шептуха,
И прымоштылась кь старыку,
Йому шепнула били уха,
И завела зъ нымъ ричь таку:
«Ось я сынкови загадаю,
«Поворожу и попытаю,
«Йому що буде, роскажу;
«Я ворожбу такую знаю,
«Хоть що, по правди одгадаю,
«И вже николы не збрешу.»

И заразъ въ горщечокъ наклама
Видьомськихъ разныхъ всякихъ травъ,
Яки на *Константына* рвала,
И те гніздо, що ремезъ клавъ:
Васьмыкы, папороть, шевлію,
Петривъ батигъ и конвалію,
Любыстокъ, просерень, чебрець:
И все се намыла водою
Погожею, не початою,
Сказавшы скількось и словецъ.

Горщокъ сей черепкомъ накрыва,
Поставыла його на жаръ,
И тутъ Энея прысадыла,
Щобъ огоньокъ винъ роздувавъ;
Якъ розигрилось, зашыпило,
Запарылось, заклекотило,
Ворочалоя зъ верху въ низъ;
Эней нашъ насторочивъ уха,
Мовъ чоловічій голосъ слуха,
Те чуе и старый Анхызъ.

Якъ стали роздувать пылинше,
Горщокъ той дужче клекотавъ,
Почулы голосъ выразнише,
И винъ Энею такъ сказавъ:
«Энею гиди вже журытысь,
«Одъ його мае росплудытысь
«Велькій и завзятый ридъ;
«Всімъ свитомъ буде управляты,
«По всихъ усюдахъ воюваты,
«Пидверне всихъ соби пидъ спидъ.

«И Рымськїи поставыть стїны,
«Въ нихъ буде жыты, якъ въ раю;
«Вельки зробыть перемины
«Во всімъ окружнимъ тамъ краю;
«Тамъ буде жыть, та поживаты,
«Покиль не будутъ цюловаты
«Ногы чїеись постола.....
«Но видсиль часъ тоби вбираться
«И зъ пан-отцемъ своимъ прощаться,
«Щобъ голова тутъ не лягла.»

Сього Анхызу не бажалось,
Щобъ попрощатся зъ сынкомъ,
И въ голову йому не клалось,
Щобъ зъ нымъ такъ бачытысь мелькомъ.
Та ба! вже ни чимъ пособыты,
Энея треба видпустыты,
Изъ пекла вывесты на свить.
Прощалыся и обнималысь,
Слизьмы гирькымы обльвалысь —
Анхызъ крычавъ якъ въ марті кить.

Эней зъ Сывыллою старою
Изъ пекла биглы напростецъ;
Сынокъ ворочавъ головою,
Покы ажъ не сховавсь отецъ;
Прийшовъ къ Троянцямъ по маленьку
И крався нышкомъ, потыхеньку,
Де имъ веливъ себе пождать. —
Троянцы покотомъ лежали
И на дозвили добре спалы —
Эней и самъ улався спать.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

